

В.Д. СПАСОВИЧ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РОМАНТИЗМА А.С. ПУШКИНА И А. МИЦКЕВИЧА

В.Д. Спасович (1829–1906) – видный адвокат, один из реформаторов российской судебной системы, активный общественный деятель и публицист, сотрудник журнала "Вестник Европы". Он был и историком литературы, и незаурядным критиком. Спасовича по праву признавали знатоком польской культуры. Наравне с А.Н. Пыпиным он стал создателем фундаментальной "Истории славянских литератур", где ему принадлежала глава "История польской литературы". Спасович был автором многочисленных статей о Гете, Шекспире, Шиллере, Байроне. Особое место в его литературно-критической деятельности занимало изучение художественного наследия А.С. Пушкина и А. Мицкевича, их личных и творческих взаимоотношений.

Для Спасовича, уроженца Минской губернии, воспитанного на польских и белорусских традициях, но волею судеб оказавшегося в эпицентре русской общественно-политической жизни, эта историко-литературная проблема позволяла решать вопросы, выходявшие порой за культурологические границы. К ним относятся национально-культурная взаимообусловленность и общечеловеческая основа национальных взаимоотношений.

Сопоставление творчества художественных гениев Пушкина и Мицкевича, предпринятое Спасовичем, было продиктовано, прежде всего, принадлежностью их к "двум родственным, по племенному происхождению, литературам – польской и русской", а также к "одной и той же великой поэтической эпохе романтизма" [1, с. 4]. Но критик далек от того, чтобы подчитывать лишь типологические черты в творчестве обоих писателей: его не интересовали частные случаи литературной рецепции. Спасович стремился обнаружить взаимосвязь польской и русской литературы как в точках соприкосновения, так и в точках отталкивания. Эта проблема была для Спасовича частью целого "направления", вектором которого было "отыскание условий дружного и братского в культурном отношении сожителства" [2, с. 393]. В контексте этого "направления" работы Спасовича "Байронизм Пушкина" и "Мицкевич в раннем периоде его жизни (до 1830 г.) как байронист" выходят за рамки традиционного поиска байроновских тем и их мотивов в поэмах и стихотворениях соответствующего периода.

Как историк литературы, Спасович учитывал обусловленность творчества любого писателя объективными обстоятельствами. А в субъективных немаловажную роль отводил фактам частной жизни и даже некоторым психологическим свойствам личности автора.

Так, байронические мотивы в раннем творчестве Пушкина и Мицкевича Спасович объяснял, прежде всего, влиянием колоссальной личности Байрона и байронического пессимизма как явления исторического, ставшего в 1820-х гг. "стихийной силой". Однако Спасович справедливо отмечал, что если у Байрона пессимизм, мизантропия, аморальность и эгоизм имели, главным образом, политические корни (все это явилось откликом на разочарование в итогах Великой Французской революции, дискредитировавшей просветительские идеалы), то "тоска и разочарование Пушкина произошли не от неудач и провалов в русской и европейской общественности" [1, с. 12]. Среди личных причин, заставивших Пушкина сделаться байронистом, автор статей называл знакомство с французской просветительской литературой XVIII в. и "саркастическим нигилизмом" Вольтера, прежде всего, давшего Пушкину "уроки чистого афеизма" (атеизма. – М.Ч.). К тому же Спасович отмечал влияние на мирозерцание молодого поэта А.Н. Раевского, "демона", едкого скептика, полного горечи отрицания, но в котором в это

время Пушкин видел римского трибуна и человека железной воли. Все это накладывалось на конфронтацию с правительством, возникшую из-за некоторых кощунственных произведений поэта, что повлекло за собой "южнок ссылку" и, как следствие, картеж, разгул, дуэли, скитания по степям с цыганским табором и ... душевные страдания.

На первый взгляд, байроническое презрение ко всему роду человеческому как нельзя более соответствовало внутреннему состоянию Пушкина. Однако Спасович не спешит называть пушкинские "безобразия" этой поры "байроновским настроением". Он ставит под сомнение вывод, сделанный весьма авторитетным исследователем жизни и творчества Пушкина П.А. Аненковым, который разгульную жизнь Пушкина в "южной ссылке" объяснял соединением байронической мизантропии с русскими национальными особенностями и привычками [3]. Спасович нашел объяснение пушкинскому "безудержу" 1820-х гг. не в Байроне, ибо "безобразия Байрона были совсем иного рода: он не проявлял себя ни картежником, ни бреттером" [1, с. 5]. В корне не соответствующие натуре Пушкина пессимизм и "мировую скорбь" Спасович считал напускными и подражательными. "... Темперамент его был подвижнее, нежнее и мягче, и когда он пробовал чертить по своему лицу в роде "Корсара", то, по его неспособности проникнуть во все изгибы мрачной и суровой души, у него оказываются в работе либо пятна, либо пробелы" [1, с. 18]. Вот почему, по мнению критика, с "духом отрицания" Пушкин так же легко расстался, как легко некогда избрал Байрона в образец для подражания. Творчество Пушкина 1820-х гг. Спасович характеризует более подходящим, нежели байронизм, понятием, заимствуя его у Мицкевича, – "байронствующий", то есть "одержимый духом своего любимого автора" [1, с. 18].

Для характеристики связи Мицкевича с Байроном Спасович находит более прочные основания: обстоятельства личной жизни явились тому не причиной, а лишь поводом. Переживая несчастную юношескую любовь к Марии Верещак, пребывая в угнетенном состоянии духа и испытывая жестокие нравственные страдания, в 1822 г. Мицкевич уединился в Ковне и стал читать одного только Байрона, находя в его произведениях созвучие своему внутреннему состоянию. Дальнейшие события октября 1823 г. (арест по поводу участия поэта в виленском кружке филаретов) и ссылка 1824 г., лишившая его родной земли, превратили, как подчеркивал Спасович, "страдальца от любви" Мицкевича в "мрачного страдальца за родину" [4, с. 193].

Мицкевич-байронист всецело принял не только этику Байрона-поэта, сформулированную в стихах и поэмах, но и этику Байрона-человека, жизнью и смертью доказавшего верность своему идеалу свободы. Свобода и величие Польши, славное величие родной Литвы, какими он себе их воображал,

стали для Мицкевича тем, чем Греция, защищающая себя от турецкого ига, стала для Байрона. Вот почему в "Застольной речи в Кракове по случаю открытия памятника Мицкевичу 4–16 июля 1898 г." Спасович называл поэта "великим историческим лицом" и "совершеннейшим воплощением своего народа" [5, с. 388].

Литература

1. *Спасович, В.Д.* Байронизм Пушкина / В.Д. Спасович // Байронизм у Пушкина и Лермонтова с приложением краткой биографии лорда Байрона, составленной Богданом Степанцем. – Вильно: Северо-западное книгоизд-во, 1911. – С. 1–38.
2. *Спасович, В.Д.* Несколько слов о Кавелине, произнесенных в административном отделении Юридического общества при Санкт-Петербургском университете в заседании 11 мая 1885 года / В.Д. Спасович // Избранные труды и речи. – Тула: Автограф, 2000. – С. 391–394.
3. *Анненков, П.В.* Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху 1799–1826 / П.В. Анненков. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1874. – С. 332.
4. *Спасович, В.Д.* Адам Мицкевич в раннем периоде его жизни (до 1830 г.) как байронист / В.Д. Спасович / Собрание сочинений: в 10 т. – СПб.: Братья Рымович, 1889–1902. – Т. 2. – С. 170–221.
5. *Спасович, В.Д.* Застольная речь в Кракове по случаю открытия памятника Мицкевичу 4–16 июля 1898 г. / В.Д. Спасович // Избранные труды и речи. – Тула: Автограф, 2000. – С. 387–390.